

20. Yee-Kuang H. «What did New Labour Ever Do for Us?». Evaluating Tony Blair's Imprint on British Strategic Culture / H. Yee-Kuang // The British Journal of Politics and International Relations. – 2012. – Vol. 14, Issue 4. – P. 556-575.

Стаття надійшла до редакції 09.05.2017 р.

М. Prykhnenko

IDEOLOGY AND PRACTICE OF BLERISM: BEHAVIORAL AND WORLDVIEW IMPERATIVES OF TONY BLAIR

The present article is devoted to the problem of behavioral and worldview imperatives of Tony Blair and their impact on the ideology of blerism and his foreign policy.

The author mentions that the first factor which has the impact on the Tony Blair world view formation is the relationship with his father. Leo Blair' ambitions and close relations between father and son became an impulse to the selection of the future prime minister sphere of interests. During this period Tony Blair understands two important things. The first one is the necessity not to waste the time. The second idea lacks from the previous one and makes him to act here and now. The next factor impacted on the Tony Blair' world view formation is the infatuation with the L. Trotsky biography and Marxism ideas in general. Papers on this topics lids T. Blair to the following conclusions. There are: necessity to create an strong ideological background; necessity to create an ideologically linked team; importance of unquestioned adherence to proclaimed ideas; necessity to be responsible for all actions and their consequences. Religion in this context plays the role of moral and ethical basis for Tony Blair. Also, it forms "the instinctive moralism" of Tony Blair and his adherence to "black and white thinking". The author mentioned rhetorical and actor abilities of Tony Blair as the ancillary factors of Tony Blair personality impacted the practice of blerism.

Key words: *blerism, behavioral imperative, worldview imperative.*

УДК 323.285

Д.В. Прошин

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ КОМПРОМИСС КАК СЦЕНАРИЙ ПРЕКРАЩЕНИЯ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

В предлагаемой статье рассмотрен один из возможных сценариев прекращения террористического насилия – стратегический компромисс между властями и незаконными формированиями, использующими террористические методы. Раскрыты наиболее заметные ошибки в трактовке этого сценария, проанализированы его общие характеристики, предпосылки эффективной реализации и возможные политические угрозы. Обозначены перспективы дальнейшего исследования проблемы.

Ключевые слова: *политическое насилие, терроризм, антиправительственные вооруженные формирования, сценарии прекращения террористического насилия, стратегический компромисс.*

Под сценарием прекращения террористического насилия здесь подразумевается комплексное качественное изменение политической ситуации, обуславливающее невозможность или ненужность дальнейшего применения террористических методов. Все множество конкретных случаев отказа от подобных методов разделяется рамками трех сценариев. Во-первых, антиправительственные формирования, обратившиеся к терроризму, могут потерпеть поражение и прекратить свое существование. (В статье термины «террористы», «террористические организации», «антиправительственные

формирования», «незаконные группировки» и пр. используются как взаимозаменяемые, что позволяет охватить весь спектр применения террористического насилия.) Во-вторых, антиправительственные силы могут достичь своих основных целей и трансформироваться в соответствии с характером достигнутого успеха. В-третьих, антиправительственное – в том числе террористическое – насилие может прекратиться в результате достижения враждующими сторонами стратегического компромисса. Оппоненты властей отказываются от первоначальных (максимальных) требований, разоружаются и обязуются впредь использовать только законные методы политической борьбы. В свою очередь, власти прекращают попытки уничтожить незаконные (но претерпевающие соответствующие изменения) организации и выполняют некоторые из их ключевых условий.

Каждый из трех сценариев представляет большой интерес как с теоретической, так и с практической точки зрения. С каждым из них связаны сложные вопросы политической, социальной, правовой и нравственной природы. Но реализация и даже исследование компромиссного сценария сопряжены с особыми трудностями. Правительство, соглашающееся на стратегический компромисс с незаконными формированиями, неизбежно сталкивается с обвинениями в некомпетентности, беспомощности и даже предательстве национальных интересов. Попытки подвергнуть проблему компромисса непредвзятому научному анализу также могут быть встречены враждебно – как своего рода «пропаганда капитулянтских настроений» [1, с. 1; 2, с. 22].

Подобные обвинения, как правило, звучат в контексте острых политических конфликтов. Выход за сравнительно узкие рамки отдельного конфликта и взгляд на проблему в различных ее проявлениях позволяют не только понять предпосылки, характер и возможные результаты стратегических компромиссов с террористами, но и заглянуть в природу самого террористического насилия и его субъектов, что в конечном итоге повышает эффективность всех методов прекращения терроризма.

Изучение компромиссов с антиправительственными группировками помимо политизированности вопроса затрудняется ошибочностью некоторых теоретических подходов к нему. Строго говоря, обнаруживающиеся в данном вопросе ошибки отражают более масштабную проблему. Нечеткими или полностью ошибочными нередко оказываются трактовки всех сценариев завершения террористического насилия. Нет ясности уже в видении сценария как такового. Даже серьезные исследователи вместо масштабных политических трансформаций рассматривают отдельно взятые методы прекращения терроризма [3]. Иными словами, в качестве конечного результата предстают всего лишь возможные пути его достижения. Местами бывает неточна и трактовка отдельных методов прекращения террористического насилия.

Примером такой путаницы применительно к поставленной здесь проблеме служит то, что синонимом стратегического компромисса между властями и вооруженными группировками нередко (прямо или по умолчанию) становятся переговоры между ними [3, с. 37-72]. Хотя переговоры и являются обязательным условием компромиссного завершения конфликта, этим, как будет показано, достижение компромисса не исчерпывается.

Кроме того, компромисс между властями и их вооруженными оппонентами иногда определяется как возвращение последних в политику, «присоединение к политическому процессу» [4, с. 9]. Даже если оставить без внимания некорректное отождествление политики и политики легальной (ведь только к ней могут «присоединиться» вчерашние боевики), такое определение все равно требует серьезных уточнений. Существует несколько вариантов сочетания легального и нелегального в динамике антиправительственных вооруженных формирований, поэтому изменения, происходящие в политическом статусе идущей на компромисс незаконной группировки, сложнее, чем прямолинейное «возвращение в политику». Более того, каждое из сочетаний оказывает

специфическое влияние на формат достигаемого компромисса, и упрощенная схема «возвращения в (легальную) политику» мешает улавливать эти особенности.

Литературу, в которой рассматривается проблема компромиссного сценария, можно разделить на две категории. Одна – это обобщающие работы, другая – работы, посвященные отдельным конфликтам, завершившимся компромиссом, или конкретным задачам, решаемым в рамках компромиссного сценария.

Первая из этих категорий относительно немногочисленна (что продолжает общую тенденцию: исследователи чаще задаются вопросами об истоках террористического насилия, о его формах и путях противодействия ему, чем о том, *как* завершаются конфликты, отягченные терроризмом). Именно в работах данной категории, как правило, обнаруживаются вышеупомянутые неточности. Более того, в некоторых обобщающих исследованиях компромисс вообще не рассматривается отдельно (или описывается как проявление каких-то других политических процессов) [см., например: 5].

Вторая категория более объемна (что естественно, если учесть количество вооруженных конфликтов, которые заканчивались компромиссом между властями и их вооруженными оппонентами или имели некоторые шансы на компромиссное разрешение). В изобилии встречаются работы, посвященные конфликтам в Северной Ирландии, Палестине, Сальвадоре, Колумбии, на Шри-Ланке [см., например: 6; 7; 8; 9]. Гораздо реже рассматриваются, но все же не остаются без внимания события в Ачехе (Индонезия) и в штате Ассам (Индия) [8, с. 83-122; 10]. Указанные и им подобные «локальные» исследования, отчеты и обзоры проливают свет на различные стороны проблемы, однако по определению они не только не могут предложить принципиальных обобщений, но даже не претендуют на них.

Исходя из всего сказанного, автор ставит перед собой следующие задачи. Во-первых, раскрыть общую специфику компромиссного сценария, отвечая на критику его противников, а также устраняя его ошибочное отождествление с отдельными предпосылками, этапами и методами достижения компромисса. Во-вторых, рассмотреть основные варианты реализации компромиссного сценария. Четко различая компромисс как таковой и конкретные пути к нему, следует в то же время понимать, что окончательное урегулирование может приобретать разные формы. Несмотря на базовое сходство (все они – суть политические компромиссы), каждая из них имеет свои существенные особенности, обуславливается определенными обстоятельствами и в свою очередь специфически форматирует дальнейший ход событий.

Итак, компромиссный сценарий очевидным образом занимает промежуточное положение между победой властей над незаконными формированиями и успехом этих формирований. Речь идет о таком завершении конфликта, в рамках которого ни одна из сторон не выполняет свою изначальную «программу-максимум» (для правительства – это разгром вооруженных оппонентов и лишение их политического влияния, для антиправительственных сил – это коренное изменение статус-кво сообразно провозглашенным целям). В результате стороны довольствуются частичными – но существенными – взаимными уступками, которые каждым из противников расцениваются как достаточное основание для прекращения вооруженного насилия. В известном смысле, стороны компромисса признают, что их противостояние приобрело патовый характер и что в сложившихся условиях решительный успех недостижим в обозримом будущем или же может быть куплен только неприемлемо дорогой ценой (последнее касается правительственных сил).

Но при этом нужно помнить, что сама по себе патовая ситуация отнюдь не обязательно создает благоприятные предпосылки для поиска компромисса – и тем более не запускает этот процесс автоматически.

Во-первых, сложившаяся патовая ситуация должна быть достаточно болезненной для обеих сторон (возможно, даже опасной – в первую очередь для антиправительственных сил), чтобы компромиссное разрешение конфликта стало восприниматься как заслуживающая внимания альтернатива.

Во-вторых, несмотря на труднодостижимость победного исхода и болезненность возникшей патовой ситуации, правительство должно сохранять серьезную заинтересованность в предмете противостояния. Если по той или иной причине заинтересованность исчезает, наиболее удобным для правительства исходом может стать самоустранение от дорогостоящего во всех смыслах конфликта. (Не будучи поражением по форме, такое самоустранение по сути своей должно приравниваться к поражению, поскольку в результате его «поле боя» остается за антиправительственными силами, которые вольны начать на нем реализацию своих стратегических замыслов.)

В-третьих, правящий режим должен обладать достаточной для поиска компромисса политической гибкостью.

В-четвертых, антиправительственные силы в свою очередь должны быть в состоянии модифицировать выдвинутые требования и тем самым создать пространство для переговорного маневра. Как правило, такую способность увязывают с содержанием самих этих требований, чаще всего подчеркивая, что этносепаратистские группировки с их «осязаемыми» целями более переговороспособны, чем группировки революционные или религиозные, добивающиеся полной смены политического строя, возвращения «истинных», «чистых» порядков и пр. Эта точка верна лишь отчасти. Представляется, что наряду с характером требований боевиков должны учитываться их сила и результаты их деятельности. Чем ничтожнее эти два показателя, тем меньше у незаконных формирований объектов для торга. Таким группировкам не остается ничего другого, кроме как до самого конца упорствовать в своих требованиях. Мощные и «результативные» формирования занимают более выгодные позиции в торге с властями и в обмен на отказ от «программы-максимум» могут добиваться от правительства определенных уступок (частичные реформы вместо революции, демократизация, ограничение произвола сил безопасности и пр.).

Наконец, в-пятых, каждая из сторон должна быть в состоянии выполнить взятые на себя обязательства. Это условие касается прежде всего антиправительственных сил и предполагает единство их лагеря и/или способность сдерживать агрессивные настроенные сторонники, желающих продолжать борьбу, а также самостоятельность вооруженных группировок, ведущих переговоры с правительством. Наличие иностранного спонсора, использующего ту или иную группировку в своих целях, грозит превращением диалога с нею в невыгодный правительству пропагандистский театр или даже в отвлекающий маневр, позволяющий незаконным формированиям пополнить силы и перегруппироваться.

Хотя взаимность уступок со стороны властей и боевиков очевидна, критики компромиссных соглашений сосредоточиваются на уступках со стороны правительства. Подобную критику можно интерпретировать так. Уступки и отступление – вплоть до безоговорочной капитуляции – это то, чего законная власть вправе требовать от боевиков, поэтому несколько шагов навстречу, «выторгованных» властями у незаконных формирований, не могут рассматриваться как успех. В то же время единственно приемлемой позицией властей по отношению к террористам признается «война до победного конца». (В хорошо известном контексте эта точка зрения была категорично сформулирована Дж. Бушем-мл.: «война с терроризмом» не прекратится до тех пор, пока все международные террористические группировки не будут «обнаружены, остановлены и разгромлены» [11].) С этой точки зрения, любой результат в борьбе с вооруженными антиправительственными формированиями, кроме безусловной победы, воспринимается, по сути, как поражение, а сам поиск компромисса уподобляется отказу от силового противостояния боевикам. Такое мнение пересекается с представлением о том, что какие

угодно соглашения и даже первичные контакты с антиправительственными силами только разжигают аппетиты подобных формирований, показывая, что правительства могут быть насильственно «усажены за стол переговоров» [12, с. 128].

Ошибкой здесь является уже само сопоставление действительности («обремененной» уступками) и гипотетического результата (полной победы над террористами). Действительное противопоставляется желаемому, как если бы они представляли собой два в полной мере реализованных варианта.

Ошибочна также трактовка компромисса как отказа властей от жесткого противодействия боевикам. Разумеется, правительство, идущее на компромисс со своими вооруженными оппонентами, не до конца использует имеющиеся у него репрессивные возможности. (Для режима, исчерпавшего все средства воздействия на противника, финалом противостояния, вероятнее всего, стало бы поражение и выполнение всех требований победителя, чего в рамках компромиссного соглашения не происходит.) Вместе с тем предыстория любого компромисса показывает, что уступки со стороны незаконных формирований приобретаются не только ценой встречных правительственных уступок, но и – в первую очередь – ценой немалых многолетних усилий по изматыванию антиправительственных сил и лишению их надежды на то, чтобы в одностороннем порядке диктовать свои условия. Таким образом, то, что пытаются представить как отказ от «настоящей» борьбы с антиправительственным насилием, как поощрение боевиков и разжигание их аппетитов, является результатом напряженного противостояния, вынуждающего оппонентов разоружиться и в корне изменить свои требования [13, с. 1].

Но в конечном итоге самым главным в рассуждениях критиков компромиссного сценария оказывается уверенность в том, что любой конфликт с незаконными формированиями можно довести до победы. Для некоторых из этих критиков единственной приемлемой формой переговоров с боевиками является выдвижение требования об их безоговорочной капитуляции [12, с. 132]. В таком свете все слова о давлении, годами оказываемом на боевиков и их политических союзников, прежде чем они идут на вынужденные уступки, выглядят как софистика, скрывающая неприглядный исход: вместо победы над своими противниками правительство довольствуется половинчатой сделкой с ними.

Подобная точка зрения противоречит не только фактам (в конце концов, все понесенные властями поражения могут быть истолкованы всего лишь как примеры неправильного использования имевшихся возможностей), но и самой природе общественных процессов. Правительство предстает как субъект, располагающий практически неограниченными ресурсами и способный как угодно долго игнорировать любые неблагоприятные изменения политической обстановки (или же способный с какой угодно отсрочкой исправить обстановку оптимальным для себя образом). Однако возможности реальных – даже самых сильных – правительств гораздо скромнее, а их позиции могут оказаться намного уязвимее, чем это рисуется в априорно оптимистическом сценарии. К тому же известны случаи, когда решительное и масштабное применение силы в борьбе с антиправительственными формированиями, будучи самоуверенным и непродуманным, лишь усугубляло ситуацию, обеспечивало незаконные группировки новыми сторонниками за счет пострадавших в ходе массовых репрессий и, даже если эти группировки терпели поражение, на многие годы вперед создавало почву для рецидивов антиправительственных настроений [см., например: 14].

Разумеется, всесторонняя оценка вероятности «войны до победного конца» и сопоставление ее цены и последствий с результатами компромисса возможны только в плоскости отдельно взятых конфликтов. Также нигде в статье не делается попыток представить компромисс как панацею (вопреки примерам распавшихся соглашений и бесполезных или даже опасных переговоров с боевиками). Но и после этих оговорок

остається достаточо оснований, чтобы сказать здесь о некорректности безапелляционного отбрасывания компромиссного сценария как неэффективного или даже откровенно «пораженческого». В определенных условиях компромисс представляет собой единственную жизнеспособную альтернативу если не поражению правительственных сил, то, во всяком случае, опасному политическому тупику и растягиванию кровопролития на неопределенный срок.

Теперь должно быть вдвойне ясно, почему неправильным является и приравнение стратегического компромисса с боевиками к переговорам с ними.

Во-первых, противоречивая практика таких переговоров наряду со стратегическими целями сторон охватывает целый ряд регулярно возникающих проблем тактического характера (освобождение заложников, освобождение находящихся в тюрьме членов антиправительственных формирований и т. п.). На этом уровне переговоры ведутся даже с мелкими группировками, чьи «стратегические» требования гротескно непропорциональны их возможностям и абсолютно бесперспективны.

Во-вторых, все сказанное о роли силового давления в достижении стратегического компромисса, означает, что этот сценарий имеет сложную природу, объединяя по меньшей мере два фактора – переговорный и репрессивный. При этом переговоры далеко не всегда являются главным из них.

Здесь следует отметить, что ранее упомянутое «отождествление» переговоров и компромисса не сводится к буквальному взаимозамещению этих явлений. Речь о том, что многими исследователями переговоры рассматриваются как основной элемент компромиссного сценария – то, благодаря чему, собственно, и достигается компромиссное решение. Все прочие факторы оказываются второстепенными ситуативными дополнениями [3, с. 37-72]. В действительности же переговоры начинаются на почве, подготовленной силовыми акциями, и протекают в русле, границы которого во многом определяются с учетом дальнейшего силового вмешательства – реального или потенциального. (До этого момента акцентировалось сочетание «мягкого» и «жесткого» подходов в действиях правительства, но такое сочетание, разумеется, свойственно и вооруженным формированиям, делающим шаги к компромиссу с властями.)

Преувеличение удельного веса переговоров с боевиками является характерной чертой критики компромиссного сценария. По сути, критические рассуждения строятся так, словно антиправительственные формирования готовы использовать любую возможность, чтобы начать переговоры с властями и словно именно эти переговоры являются целью боевиков [см., например: 15, с. 24-25]. Следовательно, всякий диалог якобы есть не что иное, как недалновидное и опасное подыгрывание им.

Но на деле антиправительственные формирования – причем даже самые незначительные – изначально весьма категоричны в своих требованиях. Не переговоры, а расшатывание ситуации, хаос, односторонние уступки властей или даже коллапс правящего режима являются на этом этапе их целью, и, как правило, требуется немало усилий – в первую очередь репрессивного характера, – чтобы заставить боевиков пойти на диалог. (Известное исключение составляют переговоры тактического уровня – начинающиеся, например, после захвата заложников, – но и в этом случае террористы нередко соглашаются только на частные уступки, не отказываясь от своих долгосрочных стратегических амбиций.) Все это лишний раз демонстрирует и неоднородность компромиссного сценария в целом, и далеко не обязательное – тем более постоянное – преобладание в нем переговорного, «мягкого» компонента.

Обозначив общую специфику стратегического компромисса и прокомментировав ряд существенных ее искажений, встречающихся в литературе, заключительную часть статьи следует посвятить вопросу о том, какие конкретные формы приобретает компромиссное

разрешение конфликта, чем наполняются эти формы, каковы предпосылки и возможные последствия их возникновения.

С формальной, внешней точки зрения, можно различить два варианта компромиссного сценария. Во-первых, это преобразование антиправительственных сил в политические партии, ведущие легальную борьбу за власть в качестве рядовых ее участников. Политическая конфигурация здесь остается в целом неизменной; правительственные уступки сводятся прежде всего к признанию бывших вооруженных оппонентов полноценной оппозиционной силой и – потенциально, на основании возможной победы на выборах – открытию этой силе доступа к власти. Кроме того, в обмен на переход вооруженной оппозиции к мирным методам борьбы правительство может провести частичные реформы, устраняющие почву для наиболее острых противоречий.

Во-вторых, возможно делегирование бывшим антиправительственным силам ряда полномочий на уровне территорий, являвшихся очагом завершившегося конфликта. Таким образом, происходит некоторое изменение политического баланса между центром и периферией, между властью и оппозицией. Локальное присутствие в подобных случаях, как правило, получает продолжение в участии бывших незаконных формирований (или связанных с ними организаций) в политике общегосударственного масштаба.

Однозначной зависимости между характером конфликта и конкретной формой достигаемого компромисса не существует, и можно говорить лишь о большей или меньшей вероятности одного из двух вариантов. Первый (допуск бывших антиправительственных сил на политическую арену без каких бы то ни было «преференций») более вероятен там, где конфликт не имеет четко обозначенного очага и сравнительно равномерно охватывает всю страну [16, с. 75-104]. Здесь незаконные вооруженные формирования пытаются насильно запустить свою программу общественных преобразований, но, оказавшись в патовой ситуации, соглашаются разоружиться и выступить уже с видоизменной программой в качестве одной из общенациональных оппозиционных партий.

Второй вариант (присутствие бывшей вооруженной оппозиции на национальной политической арене с одновременным предоставлением ей некоторых полномочий на местах) наиболее вероятен в ходе конфликтов с сепаратистскими группировками [8, с. 83-122, 189-228]. Известная автономия спорных территорий удовлетворяет существенно урезанные требования сепаратистов, а участие в центральных органах власти (прежде всего законодательных) предоставляет им возможность мирными путями влиять на решение вопросов, касающихся их региона. Но вместе с тем и революционные формирования, ведущие борьбу за свержение существующего режима и при этом имеющие социальную базу в отдельных регионах, могут претендовать на участие в постконфликтном управлении де-факто подконтрольными им территориями [9].

Однако такое формальное разграничение не до конца отвечает на вопрос, каким образом разоружившиеся антиправительственные группировки переходят к новым формам политической активности. Из какого «материала» возникают новые – отныне легальные – оппозиционные силы, как соотносятся вчерашние боевики и сегодняшние государственные деятели (в кадровом отношении, структурно и пр.)? Некоторые исследователи определяют компромиссное разрешение конфликта и, соответственно, – саму суть трансформации антиправительственных сил как «присоединение к политическому процессу», «возвращение боевиков в легальную политику». Но ранее уже отмечалось, что в деятельности антиправительственных формирований наблюдаются различные комбинации легального и нелегального. Следовательно, и «присоединение»/«возвращение» может осуществляться одним из нескольких путей – в зависимости от комбинации легальных и нелегальных компонентов, свойственной отдельно взятому конфликту. В одних случаях о «возвращении в легальную политику» речь можно вести лишь с оговорками, в других оно ощущается

отчетливее. Так или иначе, в этой плоскости не только во многом наполняются содержанием отдельные компромиссы, но и отчасти определяется их дальнейшая судьба.

В зависимости от сочетания легального и нелегального в динамике антиправительственной стороны конфликта можно выделить следующие варианты трансформации бывших незаконных формирований [полезный анализ проблемы см.: 16]. Во-первых, по мере обострения противоречий, ведущих к конфликту, вооруженная группировка может сформироваться на основе законной оппозиционной партии и в конечном итоге заменить ее, стать ее воинствующим воплощением. После достижения компромисса оппозиционные силы возвращаются в прежнюю политическую нишу, проделывая обратную эволюцию – от вооруженной группировки к политической партии – и во многом даже восстанавливая свою доконфликтную идентичность.

Во-вторых, на начальном этапе конфликта антиправительственные силы могут разделиться на два взаимосвязанных фланга – легальный и нелегальный. В ходе вооруженного противостояния эти фланги сосуществуют и взаимодействуют по принципу «вращающихся дверей». Их структуры соприкасаются, их цели и действия во многом тождественны или дополняют друг друга, но при этом представители обоих флангов прилагают значительные усилия к тому, чтобы сохранять формальную дистанцию, позволяющую отрицать вовлеченность легального политического крыла в незаконные антиправительственные акции. В то же время предполагается, что эти два формально разделенных элемента способны одинаково слаженно взаимодействовать как в жестком противостоянии правительству, так и в переходе к «мягким» методам. Хотя в переговорах с властями могут участвовать оба фланга, как правило, руководители легальных организаций принимают компромиссные предложения властей и берут на себя ответные обязательства по прекращению насильственных действий. По достижении компромисса вооруженное крыло прекращает свое существование, полностью уступая политическую сцену легальному крылу, которое, с одной стороны, пользуется плодами достигнутого соглашения, а с другой – несет ответственность за соблюдение ранее данных обязательств.

Наконец, в-третьих, незаконная группировка может возникнуть на почве диффузного политического недовольства и не иметь никаких четко обозначенных организационных истоков. Для подобной группировки решающим организационно-формирующим фактором становится само вооруженное противостояние с властями, в ходе которого она закаляется, приобретает свое политическое лицо и привлекает сторонников. В рамках компромисса с правительством накопленные группировкой возможности конвертируются в политическое влияние уже законного характера, ложась в основу впервые возникающей партии.

Лишь первый и последний из рассмотренных случаев являются реальным «возвращением в политику» или «присоединением к политическому процессу». В оставшемся – и весьма заметном – случае (сосуществование легального и нелегального флангов) антиправительственные силы, несмотря на вооруженный конфликт, не полностью покидают легальную сцену и лишь частично выпадают из политического процесса. К этому необходимо добавить, что нередко примеры конфликтов, в которых одновременно участвуют несколько антиправительственных группировок, движущихся по разным траекториям.

Остается вопрос о том, каким образом рассмотренные параметры или их сочетания влияют на устойчивость достигаемых компромиссов. Это влияние нельзя назвать решающим и даже однозначным, однако некоторые тенденции и вероятности могут и должны быть указаны.

Так, при прочих равных условиях, представляется более вероятным сохранение компромиссных договоренностей, завершивших «диффузный», не привязанный к отдельному региону конфликт. Опыт свидетельствует, что конфликты с локальной привязкой так же быстро охватывают целые страны, как и конфликты, возникающие на

почве общесоциальных противоречий, но вдобавок к этому они имеют предпосылки для «прорастания» вглубь. Регион, ставший очагом конфликта, даже после замирения может оставаться резервуаром долгих исторических счетов, ксенофобских/реваншистских настроений (не исключено, что одновременно – и объектом подобных, но с противоположным знаком, настроений извне). Все это легко становится питательной почвой для рецидивов насилия [8, с. 83-122].

Есть основания ожидать большей стабильности от компромиссов, одной стороной которых являются антиправительственные силы, никогда полностью не разрывавшие связей с легальной политикой или по итогам компромиссного соглашения вернувшиеся в свои старые политические ниши. Такие участники компромиссных сценариев, как правило, имеют серьезные ставки на легальной политической сцене и поэтому могут быть сдержаннее в проведении своего постконфликтного курса, чем молодые политические силы, сформировавшиеся непосредственно в ходе конфликта и еще недавно позиционировавшие себя исключительно как бескомпромиссных противников правящего режима.

Вместе с тем, если вернуться на стадию подготовки компромисса, то придется признать, что ведение дел с оппозицией, разделенной на два фланга – легальный и нелегальный, – нередко создает дополнительные сложности, связанные с политическими разногласиями между этими двумя флангами. Уже сказано, что диалог с антиправительственными силами, представленными параллельно действующими структурами, предполагает способность этих структур действовать единодушно. В действительности, однако, правительственная сторона нередко сталкивается здесь со множеством условностей, полутонов и недомолвок, которые маскируют истинный характер отношений между легальным и нелегальным лагерем, а сами эти отношения по целому ряду объективных и субъективных причин далеко не столь ровны, как того требует ведение переговоров (прямых или косвенных) одновременно с двумя лагерями. Кроме того, напряженность между легальным и нелегальным флангами чревата еще и дальнейшим дроблением антиправительственных сил, появлением в их рядах «непримиримых», готовых на провокации ради срыва переговорного процесса [8, с. 189-228].

Впрочем, провокации («спойлинг») периодически вызываются и иной причиной. Поскольку иногда в конфликте участвуют несколько антиправительственных группировок, имеющих разную историю, движущие силы, возможности и, не исключено, – особые цели, попытки одной (или некоторых) из них достичь компромисса с властями могут встречать враждебную реакцию со стороны других. Это обстоятельство важно не оставлять без внимания как серьезное напоминание о том, что, помимо всего прочего, формат компромиссного сценария и его результаты зависят от числа участников конфликта, их намерений и используемых ими средств. Компромисс между властями и террористами (вооруженной оппозицией и пр.), который может «по умолчанию» трактоваться упрощенно, как двусторонний процесс, в реальности нередко обретает многоуровневые и трудноконтролируемые формы. (В скобках нелишним будет еще раз напомнить о влиянии на ход конфликта такого его возможного участника как иностранный спонсор антиправительственных группировок.)

Итак, стратегический компромисс как сценарий разрешения конфликтов с незаконными вооруженными группировками является гораздо более сложным феноменом, чем это нередко представляют в критически заостренных, политизированных комментариях и даже нейтральных академических материалах. Подытоживая, нужно сказать следующее.

Компромиссное разрешение конфликта, как правило, обуславливается объективными причинами, а не говорит однозначно о «слабости» или «некомпетентности» властей и, что неоднократно подчеркивалось, не тождественно их «капитуляции». Компромисс

предполагает гибкое применение различных методов – не в последнюю очередь силовых – и требует от правительства дальновидности, настойчивости и бдительности, соразмерных тем, которые необходимы в ходе силового противодействия боевикам (а временами даже бóльших).

В статье были рассмотрены вопросы о наиболее общих предпосылках поиска и достижения компромисса; раскрыто сочетание силовых и переговорных методов в «формуле» компромиссного сценария; проанализированы его разновидности; прослежены вероятностные связи между спецификой отдельных разновидностей, с одной стороны, и длительностью и эффективностью компромиссов – с другой.

Вместе с тем своей очереди ждут проблемы, решение которых в дальнейшем позволит еще четче проследить как политические истоки компромиссов, так и их последствия. Во-первых, это вопрос (лишь вскользь затронутый в статье) о влиянии характера политического режима на вероятность достижения стратегического компромисса с незаконными группировками. Хотя очевидным кажется признание демократий наиболее предрасположенными к компромиссам, детальное изучение фактов (в том числе – особенностей различных «версий» демократии) обнаруживает более тонкие и неоднозначные соотношения между природой политического режима и возможностью компромиссного завершения противостояния.

Во-вторых, заслуживает внимания вопрос об особых факторах (т. н. «геймчейнджерах»), способных изменить сложившийся порядок вещей и дать толчок сближению враждующих сторон (смена политического руководства и/или режима, социально-экономическое потрясение или даже стихийное бедствие – такое, как катастрофическое цунами 2004 г., заметно повлиявшее на ход конфликтов в Индонезии (Ачех) и на Шри-Ланке).

В-третьих, должен быть предметно рассмотрен вопрос о роли посредников между конфликтующими сторонами (если таковые посредники имеются). Представляет интерес сравнительный анализ эффективности компромиссных сценариев, разворачивавшихся с участием и без участия посредничающей третьей стороны.

В-четвертых, в дальнейших исследованиях важно поставить вопрос о постконфликтной динамике компромиссных соглашений (и самой политической ситуации, этими соглашениями определяемой). Здесь говорилось о тех особенностях конфликта, которые могут отразиться на последующей устойчивости компромисса. Безусловно, характер завершившегося противостояния, память о нем, исторические счеты и всевозможные «мины замедленного действия» способны на протяжении долгого времени влиять на ход событий. Однако помимо этих «внешних» факторов, уходящих корнями в прошлое, необходимо рассматривать и процессы, возникающие уже по завершении конфликта, непосредственно в рамках постконфликтной конъюнктуры и имеющих свою собственную логику. Какие из задач, по завершении конфликта встающих перед недавними противниками, чреватые наибольшими трудностями и рисками и, следовательно, требуют наибольшего внимания и осторожности?; возможно ли (и за счет чего) окончательное «закрытие» конфликта? – эти вопросы, очевидным образом, имеют немалый теоретический и практический вес.

Ранее достигнутые компромиссы между властями и незаконными антиправительственными формированиями, безусловно, не останутся единственными в своем роде. Можно с уверенностью говорить о том, что в будущем еще не раз сложатся объективные предпосылки, подталкивающие участников того или иного конфликта к компромиссному его разрешению. Следовательно, останутся на повестке дня и свободные от политической предвзятости всесторонние исследования данного сценария.

Список использованной литературы

1. Cronin A. When should we talk to terrorists? / A. Cronin. – Washington : United States Institute of Peace, 2010. – 16 p.
 2. Wither J. Selective engagement with Islamic terrorists: Exploring the prospects / J. Wither // *Studies in Conflict & Terrorism*. – 2009. – Vol. 32, № 9. – P. 18-35.
 3. Cronin A. How terrorism ends: Understanding the decline and demise of terrorist campaigns / A. Cronin. – Princeton : Princeton University Press, 2009. – 336 p.
 4. Jones S. How terrorist groups end: lessons for countering Al Qa'ida / S. Jones, M. Libicki. – Santa Monica : Rand, 2010. – 225 p.
 5. Weinberg L. The end of terrorism / L. Weinberg. – Abingdon: Routledge, 2012. – 156 p.
 6. Call C. Democratisation, war and state-building: Constructing the rule of law / C. Call // *Journal of Latin American Studies*. – 2003. – Vol. 35, Issue 4. - P. 827-862
 7. Stevenson J. Northern Ireland: Treating terrorists as statesmen / J. Stevenson // *Foreign Policy*. – 1996-1997. – № 105. - P. 125-140
 8. Terror, insurgency, and the state: Ending protracted conflicts / J. Tirman, B. O'Leary, M. Heiberg et al.; ed. by M. Heiberg, B. O'Leary, J. Tirman. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2007. – 499 p.
 9. The day after tomorrow: Colombia's FARC and the end of the conflict. – Brussels: International Crisis Group, 2014. – 41 p.
 10. The National Democratic Front of Bodoland (NDFB) [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.globalsecurity.org/military/world/para/ndfb.htm>
 11. Transcript of President Bush's address to a joint of Congress on Thursday night, September 20, 2001 [Electronic resource]. – Mode of access : <http://edition.cnn.com/2001/US/09/20/gen.bush.transcript/>
 12. Neumann P. R. Negotiating with terrorists / P. R. Neumann // *Foreign Affairs*. – 2007. – Vol. 86, № 1. - P. 128-138.
 13. Engagement extremists: Trade-offs, timing, and diplomacy / W. Zartman, G. Faure, M. Khan et al.; ed. by W. Zartman and G. Faure. – Washington : United States Institute of Peace, 2011. – 311 p.
 14. Proshin D. Slipping off the edge: How and why democratic regimes fall into excess in their fight against terrorism / D. Proshin // *International Letters of Social and Humanistic Sciences*. – 2016. – Vol. 68. – P. 49-54.
 15. Dershowitz A. Why terrorism works: Understanding the threat, responding to the challenge / A. Dershowitz. – New Haven : Yale University Press, 2002. – 271 p.
 16. Weinberg L. Political parties and terrorist groups / L. Weinberg, A. Pedahzur, A. Perliger. – Abingdon : Routledge, 2009. – 184 p.
- Стаття надійшла до редакції 22.02.2017 р.

D. Proshyn

**STRATEGIC COMPROMISE AS A SCENARIO FOR THE END OF
TERRORIST VIOLENCE**

All examples of how the terrorist violence ends can be grouped into three scenarios: a defeat of anti-government organizations that have turned to terrorism; them achieving their principal goals; a strategic compromise. This article is devoted to an analysis of the last of the three scenarios. By definition, its essence lies in government's opponents' renouncing their initial (maximalist) demands, disarming and pledging to further use only legal methods of political struggle; in its turn, a government stops attempts to destroy illegal organizations (which undergo required political changes) and fulfill some of their principal demands.

The article deals with the question of general preconditions for seeking and reaching a compromise; sheds the light on a combination of hard (applying force) and soft (negotiating) approaches in the «formula» of a compromise resolution; analyzes different types of such

resolution; traces probable links between these types, on the one hand, and durability and effectiveness of a compromise, on the other.

It is specially demonstrated that a compromise as a conflict resolution usually has objective causes, does not unequivocally prove a government's «weakness» or «incompetence» and is not tantamount to a «surrender». A compromise is based on flexibly applying various methods – forceful ones not being neglected – and demands that a government be as farsighted, perseverant and watchful as in the course of the armed struggle against militants (sometimes even more so).

The article defines some second-order issues whose later resolution will lead to even clearer tracing both political preconditions of compromises and their consequences. These are questions about the nature of a political regime influencing the probability of a compromise with illegal armed organizations; about specific factors (so-called «game-changers») which may change a current political situation and give an impetus to a conflicting parties' rapprochement (the change in political leadership or of a regime itself, socioeconomic upheaval or even a natural disaster); about post-conflict dynamics of compromise settlements (as well as the political situation defined by them).

Keywords: *political violence, terrorism, anti-government armed groups, scenarios for the end of terrorist violence, strategic compromise.*

Д.В. Прошин

СТРАТЕГІЧНИЙ КОМПРОМІС ЯК СЦЕНАРІЙ ПРИПИНЕННЯ ТЕРОРИСТИЧНОГО НАСИЛЬСТВА

Усі випадки припинення терористичного насильства розділено межами трьох сценаріїв: поразка антиурядових формувань, які обрали тероризм; досягнення ними своїх головних цілей; стратегічний компроміс. Пропоновану статтю присвячено аналізу останнього з цих сценаріїв. Його сутність за визначенням полягає у том, що опоненти влади відмовляються від своїх початкових (максимальних) вимог, роззброюються та зобов'язуються у подальшому використовувати лише законні методи політичної боротьби; влада, у свою чергу, облишає спроби знищити незаконні організації (що проходять відповідні трансформації) та виконують декотрі з їхніх ключових вимог.

У статті розглянуто питання про загальні передумови пошуку та досягнення компромісу; розкрито сполучення силових та перемовних методів у «формулі» компромісного сценарію; проаналізовано його різновиди; простежено вірогідні зв'язки між специфікою окремих різновидів, з одного боку, та тривалістю та ефективністю компромісів – з іншого.

Особливо підкреслюється, що компромісне подолання конфлікту обумовлюється об'єктивними причинами, а не свідчить безумовно про «слабкість» або «некомпетентність» влади і не є тотожним до її «капітуляції». Компроміс передбачає гнучке застосування різних методів – не в останню чергу силових – і вимагає від уряду далекоглядності, наполегливості та пильності, рівних тим, які є необхідними під час силового протистояння з бойовиками (а іноді навіть більших).

Крім того, позначено проблеми другої черги, розв'язання яких дозволить ще чіткіше простежити як політичні витоки компромісів, так і їхні наслідки. Це питання про вплив характеру політичного режиму на вірогідність досягнення стратегічного компромісу з незаконними угрупованнями; про особливі фактори (т. зв. «гейм-чейнджери»), що здатні змінити існуючу політичну ситуацію та дати поштовх зближенню ворогуючих сторін (зміна політичного керівництва та/або режиму, суспільно-економічне потрясіння ба навіть стихійне лихо); про постконфліктну динаміку компромісних угод (і власне самої політичної ситуації, яку ці угоди визначають).

Ключові слова: *політичне насильство, тероризм, антиурядові збройні угруповання, сценарії припинення терористичного насильства, стратегічний компроміс.*